

ЮРИЙ ЛОТМАН – „В ТОЧКЕ ПОВОРОТА”

Аврил Пайман

Как-то к концу жизни Юрий Михайлович Лотман сказал, что отличительный признак истинного ученого – это „разрушить свое творение, найти аргумент, который не вписывается в стройную систему” (РГ 1993: 5). Всю жизнь он ставил под сомнение им же воспринятые или им же продуманные системы, задавая все новые вопросы, которые заставляли читателя прорабатывать вместе с ним как бы сначала (а все же учитывая опыт прежде достигнутого) те аспекты эстетики, поэтики и семиотики, составляющие для них и для него предмет исследования. Он буквально переворачивал и свои, и чужие представления о том, как подойти к тексту, но делал это не как революционер (совсем другой тон у Лотмана, чем у Шкловского или у Jakobsona, например), а скорее как ученый первопроходец. Я хочу сказать: он открывал, а не оспаривал. Осмотрев музей „Полемика” в Афинах, я была поражена осуществлением этой обескровленной, ложнопочтенной метафоры. Экспонатами там были пушки, снаряды, минометы. Кому-то, а Лотману не нужна была полемика. Наоборот, он терпеливо докапывался до все более цельного понимания знака, до углубленного обобщения, до общих корней, и оттуда обратно к индивидуальному, неповторимому, непредсказуемому „случаю” (Лотман 1988: 2-3). Ему не надо было спорить, убеждать; за ним шли как в средние века шли за праведниками. Хотел он этого или не хотел, далеко от суеты академий и столиц, он создавал школу: „здание культуры никогда не строится одним и никогда не бывает законченным” (РГ 1993: 4).

Шел он от кажущейся сложности к кажущейся простоте. Однако, в итоге самых сложных, абстрактных трудов по знаковым системам – прекрасная ясность простых и верных выводов. В основе исследования культурно-бытового контекста – огромная эрудиция и умение по-новому сопоставить отдельные факты из самых разных областей. Образцы этого собирательного, синтетического – а может и симфонического подхода – труды Пушкинских

семинаров¹ и этюды самого Лотмана о городе, о доме, о пути и путешествии, а более конкретно о Петербурге, о Булгакове и о Данте и о географическом пространстве в древне-русских текстах в его основополагающей работе о „семиосфере“.

Теперь, когда мы осматриваем этот путь от эзотеричного к более общедоступному, неминуемо возникает вопрос, насколько он был продиктован внешними обстоятельствами? Ведь в течение многих лет деятельности Лотману приходилось считаться с предварительной цензурой. Знаю по личному опыту. Вычеркнули начисто раздел об эмигрантской литературе из моей библиографии трудов об Александре Блоке за пределами СССР, опубликованных в первом Блоковском сборнике. Юрий Михайлович и тартуская школа жили и работали в обществе, где жестко отрицательный, подчас и издевательский тон являлся как бы неприменным соусом, под которым должно было сервироваться всякое упоминание об ушедшей „буржуазной“ и „дворянской“ культуре. Здесь царствовал обязательный материализм и на сколько-нибудь серьезное обсуждение того мира мифов и поверий, которыми издревле питается всякая культура, был наложен фактический запрет.² В Тарту, однако, посредством точного подсчета слов и диаграмм и анализа формальных приемов, проведенного на сугубо научном языке согласно сугубо научной методологии, было возможно – несмотря ни на какие запреты – издать, хотя бы ротопринтным способом, труды, способные ввести посвященного читателя в глубинную сущность изучаемых текстов. Для меня лично первым открытием возможности такого эксегезиса послужила работа Зары Григорьевны Минц на тему *Стихов о*

1 Например, Лотман 1987 и изданный уже с помощью Эстонского фонда культуры Лотман 1990; см. так-же Лотман 1980.

2 Наиболее ярким исключением является прекрасная энциклопедия Мифы народов мира со статьей Юрия Лотмана, З.Г. Минц и Е.М. Метелинского *Литература и мифы* (Лотман et al. 1980, 1992), вышедшая со скандалом в издательстве „Советская энциклопедия“ в 1980, переиздана издательством М.П. „Останкино“, 1992. В библиографии в конце этой статьи отмечены другие работы на тему, вышедшие в советскую эпоху.

Прекрасной Даме и Незнакомки Александра Блока (Минц 1965).³

Было бы ошибкою, однако, свести *Труды по знаковым системам* и другие издания русского Тарту к кодированию запретных истин. При осознании той бездны, которая ширилась между „двумя культурами” (не социалистической и капиталистической, а естественно-научной и гуманитарной), когда-то отмеченной Чарльзом Сноу, возникла повсеместно потребность в научном подходе и к культурным явлениям, и к тексту. Если в увлечении фрейдизмом и социологией в работах западных и русских зарубежных критиков середины века можно найти желание применить современную науку о человеке к истолкованию произведений искусства, то вслед за этим возникла потребность согласовать дисциплину эстетики с более точными достижениями физики, математики и химии. Зародилась мысль о том, что „космос начинает скорее напоминать большую мысль, нежели большую машину” (Джинс 1981: 181). Можно сказать, что на другом витке спирали вернулись к проблематике начала века. Неудивительно, поэтому, что работа Лотмана по развитию семиотики Соссюра и Якобсона прославила его и на западе, тем более, что почва была подготовлена не только тем же Якобсоном, но и Эрлихом, Годоровым и другими учеными, которые познакомили нерусскоязычных литературоведов с идеями русских формалистов.

Труды Лотмана переводились на все европейские языки. Особым почетом он пользовался, кажется, в Италии. В Англии, с семидесятых годов, начала выходить серия текстов „Russian Poetics in Translation”, переведенных Л.М. Отул и Анн Щукман.⁴ Издания тартуского университета выписывались везде, не только библиотеками, но и частными лицами – во всяком случае частные лица как-то доставали.

Таким образом, и на Западе, и в Советском Союзе Тартуская школа русской литературы стала символом и волнующей новизны, и тихого, упорного отстаивания вневременного в человеческой культуре. Это не могло бы

3 В Минц 1969 еще более плодотворно применяется теория лекций по структуральной поэтике Лотмана.

4 См. предисловие Лотмана к своей книге (Лотман 1990б: 4-5).

произойти, будь порочна методика, но и не могло бы удержаться, не будь у Лотмана такой удивительной способности к самообновлению. На каком бы языке он ни говорил, на специализированно научном или на совсем простом, взволнованно доходчивом, как в своих призывах к взаимному прощению между русскими и эстонцами и к чувству ответственности человека перед историей (даже в те „минуты роковые“, когда могло казаться, что отдельный человек носится как щепка по „реке времен“), Юрий Лотман всегда оставался самым собою, мудрым агностиком, пристально вглядывающимся в постоянно изменяющийся мир. Об этом он замечательно сказал в речи *В точке поворота* на открытии Блоковской конференции 1991-ого года: „Когда мы проезжаем в железнодорожном вагоне мимо неподвижного здания, оно как бы поворачивается на наших глазах. Быстрое историческое движение повертывает перед нашим взором, казалось бы, неподвижное прошлое: мы движемся, а прошлое повертывается к нам.“ Применяя к Блоку этот взгляд из поезда, Лотман делает открытие. Пушкин и Блок, сказал он, „до недавнего времени воспринимались как начальная и конечная точки той исторически-культурной реальности, которую нам предстояло пережить и осмыслить. Смерть Блока отделена от нас семидесятилетием. Так что если представить себе литературное развитие от Пушкина до наших дней, то Блок окажется посередине. Это хронологическое и историко-культурное положение в центре меняет аспекты и позволяет увидеть его в новой перспективе“ (Лотман 1991: 11).

Кончаю эти мысли на тему конференции тем, чем они начинались: – необходимостью для всех нас, почитателей Юрия Михайловича, быть готовым начать сначала, не догматизировать достигнутого, не сотворить себе кумира. Нам предстоит осмыслить сложнейший этап в истории культуры и для этого надо помнить его слова к „Постановке проблемы“: „Коренными вопросами всякой семиотической системы являются, во-первых, отношение к вне-системе, к миру, лежащему за ее пределами, и, во-вторых, отношение статики к динамике“ (Лотман 1992: 7).

ЛИТЕРАТУРА

- Джинс, Д.
1981 *Парапсихология в свете новой физики*, перевод на русский язык Артура Кестлера, „Время и мы”, 1981: 159: 181.
- Лотман, Ю.М.
1980 *Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий*, Ленинград 1980.
1987 *Пушкинские чтения в Тарту*, Тарту 1987.
1988 *Клио на распутье*, „Наше наследие”, 1988: V.
1990 *Пушкинские чтения. Сборник статей*, Тарту 1990.
1990б *Universe of the Mind. A semiotic Theory of Culture*, перевод на английский язык Анн Щукман, London-New York 1990.
1991 *В точке поворота*, „Литературная газета”, 1991: 23(1206).
1992 *Культура и взрыв*, М. 1992.
- Лотман, Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М.
1980, 1992 *Литература и мифы*, в: *Мифы народов мира*, М.1980; переиздана издательством М. П. „Останкино”, 1992.
- Минц, З.Г.
1965, 1969 *Лирика Александра Блока (1898-1906), специальный курс. Лекции для студентов заочного отделения*, Тарту 1965: I, и то же, (1907-1911), Тарту 1969: II.
- РГ
1993 „Русская газета”, (специальный выпуск), Тарту 1993.